

1369/24

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

(СУВОРОВО. ЧЕМБАР. ТАРХАНЫ.
ВЕРХНЕЕ АБЛЯЗОВО.
ДУБРОВКА и КРОМЩИНА)

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»

Пенза, 1943

Обложка, заставки и концовки работы
художника А. П. Барина

Рисунок на обложке—
дом М. Ю. Лермонтова в Тарханах

Немецкие захватчики, стремящиеся поработить русский народ, уничтожить все русское, не могут понять в своей безумной злобе, что им противостоит великий народ, никогда не покорявшийся захватчикам, имеющий славную многовековую историю, героические революционные традиции, величайшие достижения во всех областях науки, литературы и искусства. Такой народ покорить нельзя.

Товарищ Сталин подчеркнул это в своем докладе 6 ноября 1941 года, говоря о гитлеровцах:

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»

Наша Пензенская область дала русскому народу великих людей, имена которых известны всему культурному человечеству—великого критика Белинского, великого поэта Лермонтова, писателя-революционера Радищева. Одно из сел нашей области носит имя Суворова, оно связано с жизнью великого русского полководца рядом воспоминаний.

В этой брошюре собраны заметки, рассказывающие о замечательных местах Пензенской области, связанных с именами Суворова, Белинского, Лермонтова и Радищева.

* * *

В том же докладе 6 ноября 1941 года товарищ Сталин, разоблачая подлинную сущность немецких захватчиков, сказал:

«По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме».

Прошлое Пензенской области дает много яркого материала для рассказа о том, что представлял собой царский режим. Одно из типичных преступлений царского режима, совершенное в пензенской деревне, запечатлел и заклеил писатель В. Г. Короленко в статье «В успокоенной деревне». Об этом рассказывает входящая в брошюру заметка «Дубровка и Кромщина».

Суворово

Книга, которую держал в руках великий человек, его рукописи, вещи, которыми он пользовался, дом, в котором он родился и жил,—все это имеет особую власть над нашими чувствами. Оно приближает ушедшую эпоху, роднит с людьми, о жизни и делах которых мы читаем в книгах. В этом и состоит большое значение подлинных старинных вещей и памятных мест.

Одно лишь сознание, что здесь бывал, по этой земле ходил Суворов, что колхозники, которых мы видим,—живые потомки тех, кто видел Суворова и говорил с ним, делает значительными и яркими все впечатления от села Суворова (Мокшанский район). Эти впечатления укрепляются, когда мы подробнее знакомимся с прошлым исторического села.

В XVIII веке село Суворово называлось иначе—Маровка. Маровка была центром пензенской вотчины А. В. Суворова, состоявшей из

шести окрестных сел и деревень. Вотчины Суворова находились в пяти губерниях, но пензенская была крупнейшей.

Домик, в котором останавливался Суворов, сгорел еще в 1864 году. Мы не знаем, как он выглядел, но известно, что там стояла суворовская походная кровать, в которой матрац был заменен простым веревочным переплетом. Деталь, характерная для Суворова, — непримиримого врага изнеженности. «Чем больше удобств, тем меньше храбрости», — говорил он.

От суворовских времен в селе сохранилась каменная церковь, на закладке которой присутствовал Суворов. В 1943 году зданию церкви исполнилось 150 лет.

Яркое документальное свидетельство связи Суворова с Пензенским краем оставил он сам. Это его письмо пензенским крестьянам.

Крестьяне села Маровка просили у Суворова разрешения отдать в рекруты «за нынешний набор за все крестьянство» беглого бездомного бобыля, которому «в вотчине жить не причем, у него ничего нет». И вот что ответил на это Суворов:

«...Бобыля же отнюдь в рекруты не отдавать. Не надлежало дозволять бродить ему по сторонам. С получением сего в сей же мясоед :этого бобыля женить и завести ему миром хозяйство. Буде же замешкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной девице, а доколе он исправится, ему пособ-

лять миром во всем: завести ему дом, ложку, плошку, скотину и прочее. А. Суворов».

Вероятно, крестьяне были немало поражены неожиданностью и стремительностью суворовского решения:

Прославленный полководец, имя которого в то время гремело во всей Европе, неутомимый гений военного искусства—и трогательная, до мелочей, забота о судьбе неведомого пензенского бобыля, от которого отказались его же односельчане. Таков Суворов—великий и в большом и в малом.

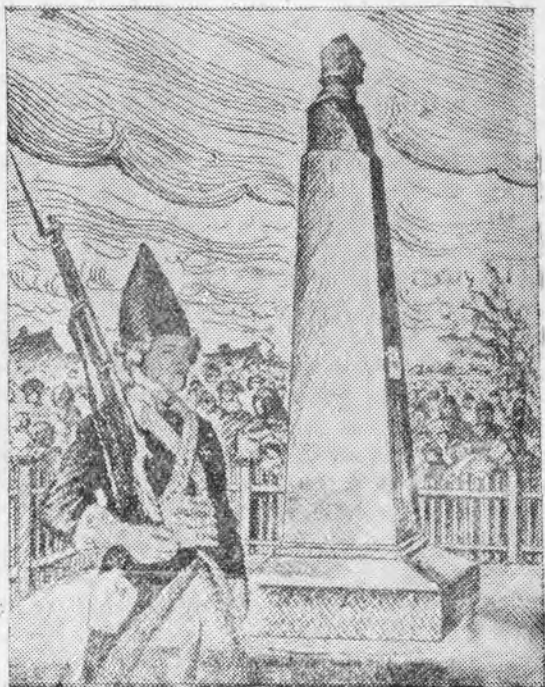
* * *

В прошлом году на площади села Суворова был торжественно открыт памятник великому полководцу—на высоком гранитном пьедестале установлен отлитый в металле бюст Суворова работы скульптора Луцкого. В ходе этой работы пришлось наблюдать, какой любовью окружено в народе имя Суворова. Ярко подтверждалось высказанное кем-то замечание, что Суворов—самое популярное лицо в русской истории.

Узнав о решении открыть памятник и, очевидно, сомневаясь, что это удастся так быстро осуществить, председатель колхоза просительно говорил работнику из Пензы:

— Вы уж, пожалуйста, постарайтесь, поставьте нам Александра Васильевича...

По некоторым данным, кормилица и нянька для Суворова-ребенка были взяты из пензен-

На торжественном открытии памятника А. В. Суворову в селе Суворове 7 ноября 1942 года. В почетном карауле—боец Красной Армии в форме суворовского солдата,

ской вотчины. Суворовские колхозники были польщены, когда узнали об этом:

— Значит,—заметил один колхозник,—наши женщины способны воспитывать героев...

Неожиданным и приятным сюрпризом была красивая резная ограда, любовно построенная по инициативе колхозников ко дню открытия памятника.

Об открытии памятника Суворову колхозники сообщили своим землякам, сражающимся на фронтах отечественной войны. Оттуда пришли письма с расспросами, с просьбами прислать фотографию памятника. Красноармеец Шаров писал домой: «Из вашего письма узнал, что в нашем родном селе установлен памятник Суворову. Я очень рад этому, и вместе со мной воодушевлены мои товарищи».

В школе села Суворова развернута выставка, посвященная жизни и деятельности великого полководца. Там есть, между прочим, портреты двух крестьян бывшей суворовской вотчины—ныне покойных Ивана Платова и Ивана Прусакова. Платов—внук маровской крестьянки, которая была взята Суворовым в няньки к его любимой дочери Наташе—«Суворочке». Прусаков, живший более 100 лет, сообщал много сведений, слышанных им от своей тетки, видевшей Суворова и описывавшей его образ жизни в Маровке. К сожалению, рассказы Прусакова не были записаны.

В соседнем селе Белогорка живет 110-летний колхозник Иван Иванович Андронов. Он

рассказывает, что Суворов, отдыхая в Маровке, любил проводить время с деревенскими ребятишками, играл с ними в бабки или, как здесь говорят, в «козны».

В самом Суворове можно услышать такое любопытное предание. Бабку Платова, которая была нянькой у дочери Суворова, тоже звали Наташей. И вот, уезжая из Маровки на войну с Польшей, Суворов—любитель прибауток—сказал ей:

— Наташа, Наташа, Варшава будет наша!

Как известно, слова эти вскоре оправдались.

* * *

Я ехал в Суворово через Лунино, от которого до Суворова 25 километров. В Лунино посчастливилось встретиться с нашим знатным земляком—трижды орденосцем капитаном А. И. Бараевым, заслужившим на отечественной войне два ордена Ленина и орден Красного Знамени.

Зашел разговор о Суворове. Бараев вспомнил, как за удачную боевую операцию, осуществленную его батальоном с большой быстротой и неожиданно для врага, его похвалил генерал:

— Вы действовали по-суворовски!

В трудные минуты неудач, тяжелых переходов и лишений приходилось подбадривать бойцов. И тут помогал Суворов—штурм Измаила, Чортов мост, переход через Альпы...

Бараев рассказал один случай, который войдет, вероятно, в историю отечественной войны. Дело происходило под Москвой, у Тарутина, где на месте сражения с французами в 1812 году находится памятник сподвижнику Суворова—Кутузову.

Батальон Бараева выбивал немцев из Тарутина. У самого памятника, под его прикрытием, расположился немецкий миномет, обстреливавший дорогу. У батальона были пушки, можно было подавить миномет артиллерией.

«Нельзя, уничтожим памятник Кутузову»,—подумал Бараев. Рискуя жизнью, четверо смельчаков—в их числе сам Бараев—поползли к миномету и подавили его гранатами. Памятник Кутузову был сохранен.

Во время рассказа Бараева думалось: Суворов, Кутузов, Александр Невский—не только наши великие предки. Они—великие современники.

ЧЕМБАР

Путь из Пензы в Чембар лежит через станцию Белинская. Раньше эта станция называлась «Воейково». Революция стерла имя придворного генерала (последний Воейков был комендантом царского дворца) и написала имя великого чембарца.

Едущие в Чембар обычно делают остановку в селе Лермонтове, чтобы посетить родные места великого русского поэта. Чембарскому району повезло: этот небольшой уголок нашей страны с полным правом может быть назван родиной великих людей. Он дал русскому народу великого поэта и великого критика. И это не все: из села Чернышева ведет свое начало род Н. Г. Чернышевского, из села Ключей—род знаменитого историка В. О. Ключевского.

Когда не было железных дорог, из Пензы в Чембар ездили не через Тарханы (ныне Лер-

монтово), а через села Мочалейку и Кевдо-Вершину. Августовской ночью 1836 года на почтовом тракте между Кевдо-Вершиной и Чембаром опрокинулся экипаж, в котором ехал царь Николай первый. Царь получил перелом ключицы и две недели лечился в Чембаре. До революции это «событие» составляло славу Чембара. Книга «Пензенская губерния», вышедшая в 1895 году, уделила ему раз в двадцать больше места, чем сведениям о Белинском.

История всему определила свое место. Пребывание царя в Чембаре для нас всего лишь исторический курьез, а Чембар навсегда вошел в историю как родина Белинского.

Белинский не родился в Чембаре, и поэтому обычно приводят доказательства того, что подлинной родиной Белинского является Чембар. Ссылаются на то, что детство и отрочество его прошли в Чембаре, что весь род его из этих мест и так далее. Это все верно, но надобности в этих доказательствах нет. Решающее слово принадлежит самому Белинскому, который считал Чембар своей родиной. Вот, например, что он писал из Москвы своим родным в Чембар:

«Хочется вздохнуть воздухом родины, взглянуть на места, где провел детство... Сколько раз сердце просилось, душа рвалась туда, туда!»

Это написано в 1835 году, спустя пять лет после разлуки с Чембаром. В дальнейшем

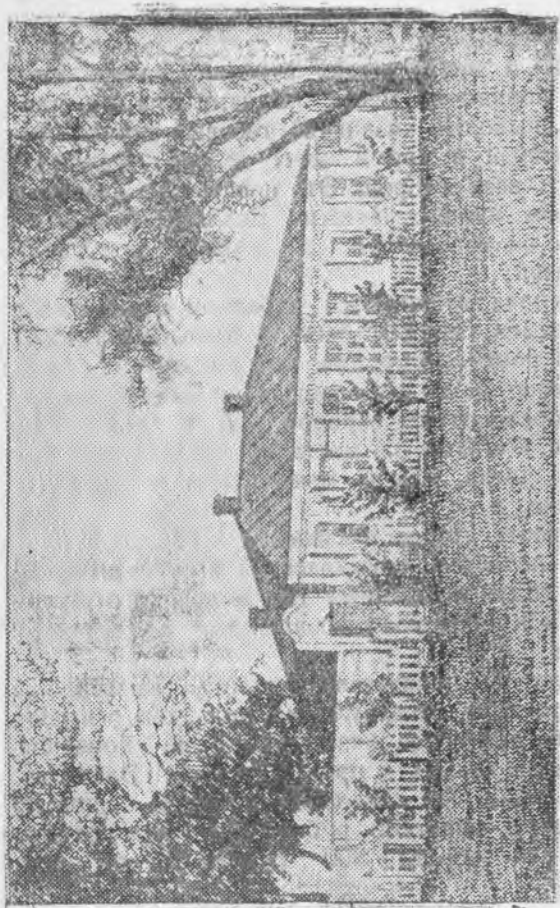
тоска по родине еще более усилилась. В 1848 году в Петербурге, за несколько дней до смерти, Белинский мечтал о поездке на родину для поправления здоровья...

В письмах и сочинениях Белинского можно встретить и немало резких отзывов о Чембаре. «Пресловутый Чембар!» — иронически восклицал Белинский. В юношеской драме «Дмитрий Калинин», навеянной чембарской действительностью, устами одного из героев он говорит о Чембаре: «проклятый городишко!» Это не противоречие. Чембар был тесен юноше Белинскому, начинавшему расправлять крылья, но он всегда оставался дорог ему, как родной городок, как место, где прошли годы детства, о которых он потом не мог вспоминать «без слез умиления и сердечной тоски...»

И не лучшим ли доказательством тесной связи Белинского с Чембаром является то, что под своей первой большой статьей «Литературные мечтания», открывающей «эпоху Белинского» в русской критике, он, не будучи в Чембаре, поставил пометку «Чембар»?

* * *

Чембар принадлежит к числу городов, на внешности которых мало отразилось время. Это объясняется его отдаленностью от железной дороги (53 километра). В Чембаре нет предприятий, и там также тихо, как во времена Белинского, и воздух такой же чистый, да и жителей не намного больше.

Дом В. Г. Беллинского в Чебаруе.

В центре Чембара есть огромная площадь, поросшая травой. На главной чембарской площади разместились и рынок, и место для демонстраций и митингов, и футбольное поле, и склады, и много других строений, да еще осталось порядочно места. Окнами на эту площадь выходит низенький тесовый домик, выкрашенный в серый цвет. Зелень окружает его со всех сторон. Это и есть тот домик, в котором прошло детство Белинского и о котором он вспоминал в одной из своих рецензий:

«Я снова становлюсь ребенком, и вот уже с биющим сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовую кровлею, окруженный бревенчатым забором... А в доме—там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал, или не мечтал, или позднее не сочинял...»

Близость домика Белинских к базарной площади печально отразилась на его судьбе. В 1898 году—юбилейный год Белинского—журнал «Живописное обозрение» с горечью писал:

«Если б почитатели таланта Виссариона Григорьевича взглянули на этот дом, имеющий историческое значение, то не поверили бы своим глазам и пришли в ужас! Владелец этого дома, из желания получить лишних несколько десятков рублей в год дохода, сдает его весь за 300 рублей в год под

трактирное заведение самого грязного и низшего сорта».

Сейчас в этом домике, заботливо оберегаемом и взятом под государственную охрану, развернут музей. Шесть его комнат полно и красочно рассказывают о жизни «неистового Виссариона»:

Из домика Белинского через террасу мы выходим во двор, где сейчас разросся уютный садик. Белинский любовно описал, как выглядел двор в годы его детства—он вспоминал огород, где между грядками бобов и гороха, в лесу пышных подсолнечников пытливый мальчик уединялся для чтения, и маленькую баню при входе в огород, даже среди белого дня пугавшую его детское воображение своею таинственною пустотою, и стог сена, на котором он часто воображал себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем...

Из садика можно пройти в соседнее здание уездного училища, в числе учеников которого был Белинский. Это также одноэтажное деревянное здание.

Здесь состоялась встреча маленького сына уездного лекаря с писателем Лажечниковым. Лажечников был директором училищ Пензенской губернии и приехал в Чембар ревизовать училище. Его поразили необычайные способности мальчика Белинского. «На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такой уверенностью, будто палетал на них,

как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком)»,—рассказывал Лажечников.

Здание училища отмечено мемориальной доской. Прохожий и проезжий с любопытством и уважением вглядываются в старинное здание с фронтоном и колоннами. Оно дорого нам, как и весь этот маленький город, овеянный славой Белинского.

ТАРХАНЫ

Лучшее описание Тархан дал сам Лермонтов. Оно заключено в стихотворении «Первое января». В пестрой толпе петербургского бала, «при шуме музыки и пляски», Лермонтов уносился мыслями в пензенскую глушь, в родные и милые сердцу Тарханы:

«И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места; высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится—и встают
Вдали туманы над полями».

В Тарханах Лермонтов рос. «Странная тоска» теснила грудь его при воспоминании о Тарханах. Это тоска по родине, незабываемые впечатления детства, воспоминания о пережитом и перечувствованном в родных местах.

Здесь колыбель его творчества: На первой своей поэме «Черкесы» он обозначил точно, где она написана: «В Чембаре. За дубом» (Тарханы находятся в 17 километрах от Чембара). В Тарханах Лермонтов узнал и полюбил народ и природу России. В «Бородино», «Песне про купца Калашникова», «Боярине Орше», «Вадиме» и многих других произведениях Лермонтова мы находим отзвуки Тархан.

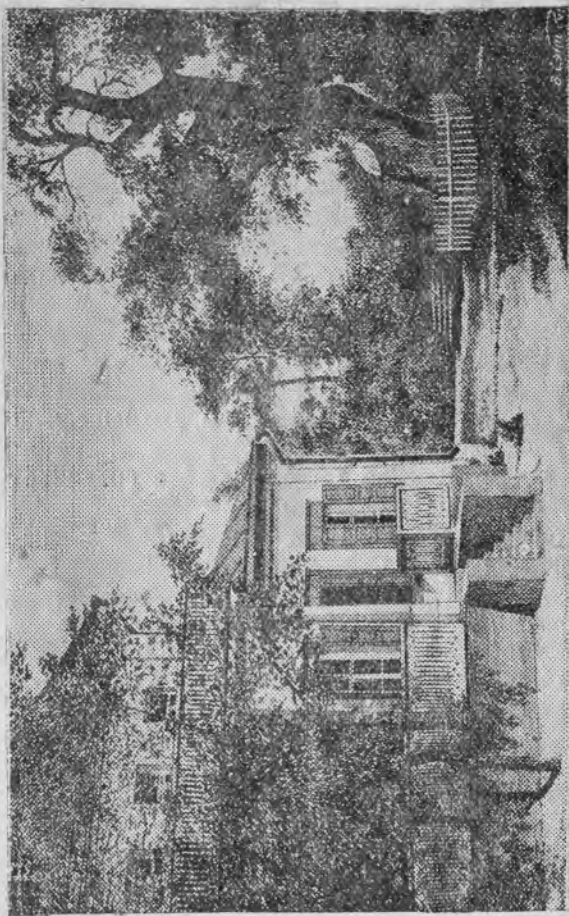
Тарханы—удивительный уголок. В Пензе есть немало людей, бывавших в Тарханах не раз, но спросите любого—каждый ответит, что хочет снова побывать там. Уезжая из Тархан, задаешься мыслью—скоро ли удастся посетить эти места в другой раз...

В чем секрет этого очарования? Трудно сказать. Очевидно, тут гармонически слились воздействие живописной природы, осязаемая близость Лермонтова, обаяние его поэзии.

Представьте густой старинный парк, расположенный на склоне горы, круто спускающейся к пруду. Тенистые аллеи пересекают парк в разных направлениях. Ничто, кроме шелеста листьев и пения птиц, не нарушает тишины. Здесь осязаемы и осязаемы лермонтовские строки, навеянные Тарханами:

«В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами».

Здесь каждый уголок напоминает о Лермонтове. Вот остатки вяза, на котором висели качели маленького Миши, вот «беседка тайная»,

Дом М. Ю. Лермонтова в Тарханах (со стороны пруда).

описанная Лермонтовым в юношеском стихотворении «Цевница», вот дуб, посаженный, по преданию, им самим, вот пережившие столетие следы «разрушенной теплицы», вот так называемые «траншеи» — место военных игр Миши Лермонтова с деревенскими ребятами.

Почти все, что написал Лермонтов, имеет автобиографическое значение. Для познания детства Лермонтова ценнейший материал дает неоконченная повесть «Я хочу рассказать вам...» Под именем Саши Арбенина Лермонтов описал себя. Вот как выглядел дом, в котором прошло детство Саши:

«Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской».

Этот дом, красиво выделяющийся среди зелени, перед нами..!

Интересна его история. После смерти бабушки Лермонтова дом решили продать на слос. Уже начали разбирать, но, к счастью, все разошлось из-за 50 рублей, и сделка не состоялась... В дореволюционной печати много раз писалось о запустении в Тарханах и пренебрежении к памяти Лермонтова. В журнале «Исторический вестник» за декабрь 1911 года можно прочесть следующие строки:

«Разве мы умеем беречь реликвии после своих великих людей? Разве не известна судьба домиков Пушкина в Михайловском, Лермонтова — в Тарханах, избы Кутузова — в

У склепа М. Ю. Лермонтова в Тарханах.

Филиях, домика Петра Великого—в Новодвинской крепости и затем Архангельске, наконец, домика Суворова—в Кончанском и т. д.? Изречение *sic transit gloria mundi* (так проходит мирская слава) всего чаще и нагляднее оправдывается именно у нас в России, на ее славных именах...»

Как приятно писать, что Тарханы сегодня—образец любовного и бережного отношения ко всему, что связано с памятью великого человека? Дом Лермонтова, о печальной судьбе которого писал журнал, восстановлен, содержится в исключительном порядке, там создан великолепный музей.

Десять комнат музея заполнены экспонатами, говорящими о Лермонтове и его эпохе. Музей обставлен старинной мебелью, украшен картинами, коврами. Это лучший музей в нашей области.

Комната Лермонтова находится в мезонине. Здесь висит написанная им картина «Дарьяльское ущелье». Тарханы и Кавказ—вот основные источники жизненных впечатлений и поэзии Лермонтова.

Интересно и знаменательно, что объяснения в музее дают земляки поэта—сельская молодежь, получившая среднее образование. Комсомолка Нюра Шубенина—родственница кормилицы Лермонтова—работает экскурсоводом. Она жадно читает каждое новое исследование о поэте.

Из комнаты Лермонтова есть выход на балкон. Отсюда открывается вид, описанный в повести «Я хочу рассказать вам...»

«С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы».

Белым пятном на этом фоне выделяется маленькая часовня—последнее пристанище поэта. Могила Лермонтова находится на расстоянии полукилометра от дома и парка.

Стен часовни касаются ветви одиноко растущего дуба. Его посадила бабушка, выполнившая предсмертное поэтическое желание Лермонтова:

«Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел!»

Каменные ступени ведут в склеп, где стоит свинцовый гроб Лермонтова. В этом гробу тело Лермонтова привезено из Пятигорска. В памяти оживают роковой июльский вечер у подножья Машука, выстрел Мартынова, ужасная гроза, бабушка, ослепшая от слез, скорбь Белинского, печальный и долгий путь свинцового гроба в Тарханы... Чувство скорби и горечи, испытываемое в склепе, где спит Лермонтов «холодным сном могилы», гениально выразил он сам в стихах на смерть Пушкина:

«Замолкли звуки дивных песен,
Не раздаваться им опять;
Приют левца угрюм и тесен,
И на устах его печать».

Мы поднимаемся из сырого и холодного склепа наверх, к солнцу, видим знамена и венки над могильным памятником поэта, людей, идущих поклониться гробу, бесконечные записи в книге посещений.. И постепенно чувство скорби сменяется чувством гордости. Гордости русской культурой, давшей миру Лермонтова, гордости нашим временем, сделавшим Лермонтова близким и доступным народу.

ВЕРХНЕЕ АБЛЯЗОВО

Жизнь Александра Николаевича Радищева до издания им книги «Путешествие из Петербурга в Москву» можно разделить на три периода: детство в селе Верхнее Аблязово, ныне Кузнецкого района Пензенской области; годы учения в Москве, Петербурге, Лейпциге; служба в Петербурге.

В «Путешествии» Радищев показал глубокое знание жизни крестьян, мыслью о свободе и счастье которых пронизана вся книга. Ясно, что знание крестьянской жизни Радищев мог почерпнуть прежде всего в Аблязове. Вот почему Верхнее Аблязово—не только колыбель писателя, но и колыбель его знаменитой книги.

Многие впечатления, полученные Радищевым в Аблязове, отразились в «Путешествии». Сын Радищева—Павел рассказывает в своих воспоминаниях, что селом Анненково, нахо-

дящимся в 5 километрах от Аблязова, владел одно время помещик Зубов. Это был жестокий крепостник и самодур. Купив Анненково, он обобрал крестьян—забрал у них весь хлеб, скотину, лошадей, кормил крестьян на барском дворе щами из корыт. Провинившихся он сажал в устроенный им острог и держал на цепи. В «Путешествии» Радищева этого помещика напоминают и коллежский асессор в главе «Зайцево», и рачительный хозяин—помещик в главе «Вышний Волочок».

В главе «Подберезье» Радищев тепло вспоминает свою аблязовскую нянюшку Праксковию Клементьевну.

Привлеченный к суду за издание «Путешествия» Радищев показал: «Та книга печатана в собственной его типографии..; тискана ж она с помощью собственных его людей». Мы не знаем имен печатников «Путешествия», но вероятнее всего это были крестьяне села Аблязова.

Не только детством своим Радищев связан с Аблязовым. Он приезжал сюда в зрелые годы повидаться с родителями и получить их согласие на брак. Трогательную встречу с родителями после долгой разлуки Радищев описал в автобиографической повести о Филарете Милостивом.

Этот проезд был в 1775 году—вскоре после пугачевщины. В Аблязове были пугачевцы. Родителей Радищева с маленькими детьми спасли от расправы их крестьяне. В романе

Ольги Форш «Радищев» кучер, везший Радищева в Аблязово, рассказывает ему об этом:

«А мы, неровен час, опять спяна они хватятся да вздернут, как прочих лихих уже вздернули, мы взяли да и попрятали родителей ваших и братцев малых. Им мордочки сажей помазали, чтобы сходственно было с деревенскими ребятами».

Предание, которое и сейчас можно слышать в Аблязове, точно называет место, где Радищевы прятались от пугачевцев—овраг, поросший лесом, в 10 километрах от Аблязова.

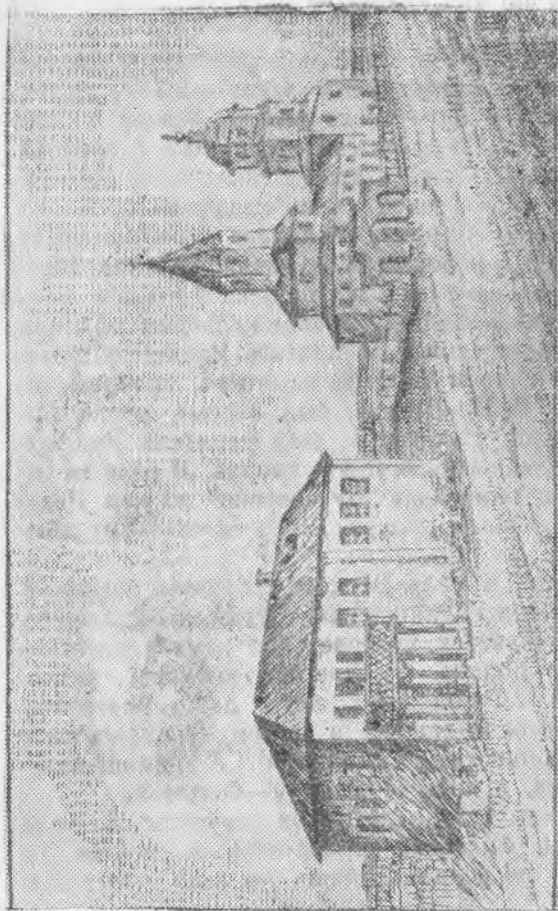
Последний раз Радищев был в Аблязове незадолго до смерти. Возвратившись из ссылки в Сибирь, Радищев жил под надзором в своем калужском имении. Он просил у императора Павла позволения ездить к престарелым родителям в Аблязово. Павел разрешил съездить один только раз, и Радищев весь 1798 год провел в Аблязове. Сохранилось его письмо из Аблязова к графу Воронцову, где Радищев рассказывает о своей жизни в деревне. В деревенской глуши он продолжал неутомимо работать—читал классиков, русские и иностранные журналы, занимался агрономией.

К этому времени относится работа Радищева «Описание моего владения». По существу эта работа является продолжением «Путешествия из Петербурга в Москву», написанным по возвращении из Сибири—ссылка не изменила Радищева. В этом труде Радищев хотел на-

учно доказать необходимость освобождения крестьян. Между прочим, труд этот содержит подробное описание агрономических опытов и наблюдений Радищева над «тютнярским черноземом» (Аблязово стоит на речке Тютняр). Интересно было бы сопоставить их с данными современной агрономии. Это тем удобнее сделать, что в Аблязове, в бышем имении сына Радищева, находится сейчас опытная станция Всесоюзного института удобрений, агротехники и агропочвоведения.

Верхнее Аблязово—большое село. В нем свыше 500 дворов, главная улица тянется на три с половиной километра. В центре села стоит старинная церковь замечательной архитектуры. Церковь эта видела Радищева, она построена его прадедом Григорием Афанасьевичем Аблязовым в 1736 году—за 13 лет до рождения писателя. Под церковью похоронен сын Радищева—Афанасий, родившийся в Илимском остроге (где отец его был в ссылке) и скончавшийся в Аблязове.

Рядом с церковью стоял дом Радищевых, в котором прошло детство Александра Николаевича. К сожалению, сейчас этот дом можно видеть только на старинных акварелях и фотографиях. На месте, где был этот дом, ямы, поросшие бурьяном, и камни—следы фундамента. Лет 50 назад последний владелец дома—некий полковник Кузнецов—продал его на снос за 300—400 рублей. Дом разобрали на кирпичи для печек.

Дом Радищевых в Верхнем Аблязове (со старинной акварели).

Это, конечно, было исключительным варварством по отношению к памяти знаменитого писателя. Но при этом надо учесть и то, что Радищев почти до самой революции числился «неблагонадежным». Только в 1905 году—спустя 115 лет—могло выйти первое полное издание «Путешествия». Директор и преподавательница литературы соседней с Аблязовым Анненковской средней школы орденоносец Анна Петровна Чекалина рассказывает, что до революции за излишне подробное освещение Радищева на уроке она два года находилась под негласным надзором полиции.

Только революция воздала Радищеву должное. Недаром первый памятник, который, по мысли В. И. Ленина, был открыт после Октябрьской революции, был памятник Радищеву у бывшего Зимнего дворца. В речи на открытии памятника Луначарский назвал Радищева первым пророком и мучеником революции.

Колхоз в селе Верхнее Аблязово называется «Родина Радищева». Этим, к сожалению, ограничивается увековечение памяти писателя на его родине. В селе нет выставки, знакомящей с Радищевым, нет даже портретов, нет книг Радищева и о нем. Представление у большинства колхозников о Радищеве,—смутное, а интерес к нему—большой.

Этот интерес надо удовлетворять. И надо сделать Аблязово замечательным местом не только по воспоминаниям, но и по сумме впе-

чатлений и знаний, которые здесь должен получать каждый. Аблязово в этом отношении особенно благодарное место, так как расположено вдоль дороги из Кузнецка (11 километров от Аблязова) в Русский Камешкир, по которой происходит большое движение.

Товарищ Сталин, напомнивший в дни войны имена наших великих предков—полководцев и деятелей культуры, учит, как надо использовать знание прошлого для дела сегодняшнего дня. Образы великих русских людей вдохновляют Красную Армию. В нашей области примером умелой пропаганды является работа музеев в родных местах Белинского и Лермонтова—в Чембаре и Тарханах.

Надо, чтобы и Радищев, который, говоря его словами, «нам вольность первый прорицал», которого Пушкин считал своим предшественником («вслед Радищеву восславил я свободу»), которым гордился Ленин, был достойно увековечен у себя на родине.

Дубровка и Кромщина

«Я уехал из столицы на рождественские праздники далеко в глушь, в саратовскую деревню. Уединенный помещичий хутор, белые поля, купы деревьев, все в белом инее. Почта — в 12-ти верстах, ближайшая железнодорожная станция—в 16-ти. Газеты привозятся не каждый день, да ведь и читать их необязательно. Одним словом,—отдых среди природы!»

Так начинается статья знаменитого русского писателя Владимира Галактионовича Короленко «В успокоенной деревне».

Уединенный хутор, куда приехал отдохнуть Короленко, назывался Дубровка. Он находился по соседству с деревней Дубровка, которая и сейчас существует в Колышлейском районе нашей области. Ближайшая железнодорожная станция — Колышлей, ближайшая почта была в селе Трескино.

В Дубровке у своих родственников Малышевых писатель гостил не раз. Между прочим, здесь он дважды «спасался» от юбилейных чествований. Дубровка была дорога Короленко еще и потому, что здесь умерла и похоронена его маленькая горячо любимая дочка Лена. «Может, приеду сам взглянуть на могилку и на то место, где мы прощались с Леной»,—писал Короленко в 1893 году из Парижа, где он получил телеграмму о смерти дочери.

На этот раз, зимой 1911 года, писатель хотел поработать в тиши Дубровки над давно задуманным и начатым рассказом «Обычай умер». Он уже приступил к работе и увлекся ею, когда к хозяину хутора—Сергею Андреевичу Малышеву приехали за советом крестьяне из соседней деревни Кромщина. Писатель был потрясен услышанным от кромщинских крестьян. Рассказ был отложен в сторону, вместо него Короленко написал здесь же, в Дубровке, статью «В успокоенной деревне». 4 февраля 1911 года эта статья появилась в газете «Русские ведомости» и вошла потом в собрание сочинений Короленко. Рассказ же «Обычай умер» так и остался неоконченным.

Что же случилось в Кромщине?

У богатого кромщинского мужика Шестерина темной осенней ночью взломали кладовую и вытащили два сундука. Кто украл—неизвестно. Шестеринин пригласил урядника

Иванова из села Трескино и двух стражников. Он выставил им обильное угощение с водкой, и полицейские приступили в избе Шестерина к производству «дознания».

Крестьян, заведомо невиновных в краже, одного за другим призывали в избу и зверски избивали, чтобы вымучить признание. Били нагайками, кулаками, ногами, железным прутком, душили за глотку, рвали губы, отливали водой и снова били. Крови на стенах и полу комнаты, где происходило истязание, было столько, что в избу пустили собак, которые вылизывали кровь.

Все это очень подробно и ярко рассказал Короленко. При этом он добавил к рассказу, что дело это довольно обычное, не новое, не оригинальное, что установившаяся практика смотрит на такие «происшествия» не как на преступление и вопиющее злодейство, а лишь как на маловажный служебный проступок. Этим писатель подчеркнул большое общественное значение кромщинского дела.

Вмешательство знаменитого писателя, огласившего кромщинское дело в большой московской газете, вызвало расследование преступления и не позволило замять его. Короленко с удовлетворением сообщал в письме к дочери Наталье, что в Кромщину приезжал исправник, допрашивавший с газетой в руках, что статью читали на сходах по соседним деревням, и много мужицких голов зашевелилось над газетным листом. В письме к родителям

крестьян, подвергшихся истязанию, Короленко давал советы, как добиться правды. Он писал крестьянам деревни Кромщина Семену Трашенкову, Созону Еткаренкову и Семену Коноплянкину:

«Человек не скотина, которую можно бить сколько угодно. Человек имеет права и должен их отстаивать для себя и для других... Нужно, значит, довести дело до конца, чтобы подобные насильники узнали, что им не все дозволено проделывать над мужиками. Тогда и другие остерегутся, видя, что и мужики не бессловесны, что и они иной раз умеют добиться своего права».

Благодаря вмешательству Короленко кромщинское дело закончилось осуждением истязателей.

* * *

В наше время ничего не осталось от хутора Дубровка, где бывал Короленко—в первые годы революции дубровский дом разобрали на школу. На месте, где был хутор, выросла новая деревня—Ульяновка. Не сохранилось и дома в Кромщине, где происходило истязание,—во время коллективизации дом кулака Шестеринина разобрали на колхозные постройки. Это было историческим возмездием. Когда раскулачивали Шестеринина, ему напомнили, как псы лизали в его доме крестьянскую кровь.

Еще живы современники и даже участники описанных у Короленко событий. В соседней

с Кромщиной деревне Алексеевка живет вдова Василия Еткаренкова, больше всех пострадавшего от истязателей. Варвара Никандровна Еткаренкова дополняет статью Короленко несколькими штрихами:

— Когда избили мужа, пришли за мной, чтобы я принесла ему одежду. Я вошла в избу к Шестерининым посмотреть мужа и стала плакать. Урядник Иванов хлестнул меня нагайкой:

— Уходи, нечего скулить!

Меня стражники вытолкали силой. Я была беременна, не удержалась и упала, потом пошла со слезами домой.

В самой Кромщине живет колхозница Анна Павловна Шавенкова — дочь крестьянина Павла Трашенкова, также подвергавшегося истязаниям. Сын Абрама Коноплянкина—Григорий стал педагогом. Он не раз читал кромщинским крестьянам статью Короленко, где описано, как полиция и кулаки мучили его отца.

* * *

«По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме»,— говорил товарищ Сталин в докладе 6 ноября 1941 года.

Статья В. Г. Короленко «В успокоенной деревне» рисует типичное преступление царского режима, она показывает, как царизм и его слуги попирали права крестьян.

Вот почему сейчас, в дни ожесточенных боев с немецкими захватчиками, стремящимися вернуть проклятое время, когда можно было безнаказанно мучить и истязать рабочих и крестьян, полезно перечитать эту статью Короленко.

Редакция газеты «Сталинское знамя» выпустила ее отдельной брошюрой с предисловием дочери писателя—Софьи Владимировны Короленко, написанным для этого издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Суворово	5
Чембар	12
Тарханы	19
Верхнее Аблязово	27
Дубровка и Кромщина	34

Отв. редактор Н. И. Страхов. Техн. редактор
Г. М. Горенштейн. Отв. корректор Ф. З. Круткович.

ФЛ013. Заказ № 3097. Подписано к печати 10 сентября
1943 года. Объем 1,25 печ. листа. Тираж 10.000 экз.
Цена 2 рубля.

Типо-литография издательства «Сталинское знамя»
Пенза, улица Кирова, 65.